

О. А. БЕЛОБРОВА

Сказание «О Кипрском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в.

Сказание «О Кипрском острове и о подножие креста Христова» до сих пор не привлекало внимания литературоведов и историков. Дошедшее до нашего времени, по-видимому, лишь в одном списке — в рукописном историческом сборнике Погодинского собрания № 1570 XVII в.,¹ оно было, впрочем, известно А. Ф. Бычкову.² При публикации многих статей и повестей названного сборника его 29-я статья — «О Кипрском острове» — все же осталась незамеченной. Между тем это краткое сказание заслуживает специального внимания и опубликования. Оно примечательно как по содержанию, так и по форме. Здесь, например, мы находим одно из ранних в русской литературе XVII в. упоминаний о событиях Кипрской войны 1570 г.: начало сказания (см. рисунок) посвящено частному эпизоду этой войны — защите кипрским населением крепости Кириanei от турок. Неторопливый рассказ, напоминающий устную речь, распадается на несколько частей и ставит трудный вопрос перед исследователем, к какому жанру следует отнести этот любопытный памятник?

*

Чтобы оценить значение этого сказания в русской письменности, необходимо учесть, насколько известна была на Руси жизнь населения острова Кипра.

Летописные известия, например, чрезвычайно скупо сообщают о Кипре. Наиболее пространно освещены в Никоновской летописи военные события 1366 г., в которых фигурирует кипрский князь, египетский «салтан» и византийский император.³ В других случаях летописи называют представителей кипрского духовенства, например кипрского епископа Дамаскина, подписавшего в числе других священнослужителей восточных православных церквей грамоту на царство Ивана IV (1561).⁴ Несколько раз упоминается в русских летописях грек Игнатий, назвавший себя на Руси бывшим архиепископом Кипрским (якобы пострадавшим от турок во время завоевания ими острова) и поставленный патриархом Московским при Лжедмитрии I.⁵

Значительно полнее сведения о Кипре в литературе путешествий русских людей. Самое раннее из них было совершено черниговским игуменом

¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1570.

² А. Ф. Бычков. Описание славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1878, стр. 46.

³ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 7—8.

⁴ Дополнения к Никоновской летописи. — ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 334.

⁵ ПСРЛ, т. IX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 48, 67, 69—70, 109. В источниках по истории Кипра архиепископ Игнатий неизвестен. По всей вероятности, Игнатий не имел отношения к Кипру.

Даниилом еще в начале XII в., до завоевания острова крестоносцами. В его описании сообщается: «Кипр же остров велик вельми, и множество в нем людей, и обилен же есть всем добрым».⁶ Подробно освещены Даниилом вопросы церковной организации (24 епископа, одна митрополия), названы почитавшиеся на острове христианские «святыни» (крест, мощи «святых» Епифания, Варнавы, Зинона, Трифилия, Филигриоса). Особо рассказывается о ладане и темьяне, как они растут («суть бо по горам ту древца мала много ниска, с травкою ладна»⁷), когда их собирают.

К началу XV в. относится «Хождение» иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы. На обратном пути из Иерусалима он также посетил остров Кипр. Его описание, отчасти повторяющее сведения Даниила, отмечено подробностями, соответствующими времени владычества на острове французской династии Лузиньянов: «...град великий столный Левкусия, тут седит рига фряжский, сииречь князь, обладает всем островом тем»; «...во всех же церквах греческих (в некоторых списках «фряжских», — О. Б.) сс арганы поют на велики празники».⁸ Зосима сообщает, что «премых в сем острове во граде Лезкусии полтора месяца».⁹ Он приводит перечень городов Кипра: Левкусия, Кириная, Сирурии, Лемошь, Епафа, Китея. К числу «святынь» острова он относит крест, св. Маманта и Лазаря.

Совсем краткие сведения о Кипре приведены московским купцом Трифоном Коробейниковым, путешествие которого относится к концу XVI в.: «От острова Родоса широким Белым морем итти до острова Кипра, день ходу, где родится масличное дерево, и где делают масло, здесь пристанище большим кораблям, огсюда ходят к Иерусалиму двумя дорогами, один путь Белым морем, а другой сухим путем на Дамаск город».¹⁰

К XVII в. относятся многочисленные списки иностранных городов с указанием их расстояния от Москвы. Обычно в них сообщается: «Кипрский остров в Белом море под владением турков отстоит от Москвы 3300».¹¹

Наиболее фундаментальное описание острова Кипра, его городов и селений, монастырей и храмов оставил русский путешественник более позднего времени (первой половины XVIII в.) — В. Г. Барский.¹²

Сведения русских путешественников об острове Кипре, восходящие к давним временам, почти не учтены в иностранной историографии.¹³

Особую область русских источников об острове Кипре составляют документы Посольского приказа XVI—XVII вв. и литературные произведения того же времени, созданные в посольских кругах. К числу первых относится, в частности, статейный список путешествия русского посла

⁶ И. П. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли, ч. 1, изд. 2-е. СПб., 1837, стр. 25—26.

⁷ Там же. Ср. также: ГПБ, Q.XVII.73, лл. 71—72.

⁸ Хождение инока Зосимы 1419—1422 гг. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, вып. 3. СПб., 1889, стр. 23—24.

⁹ Там же. На острове Кипре в середине XV в. был и новгородец инок Варсонофий. Ср.: Православный Палестинский сборник, т. XV, вып. 3 (45). СПб., 1896.

¹⁰ Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г. СПб., 1841, стр. 7.

¹¹ В. А. Петров. Географические справочники XVII в. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 154 (№ 37).

¹² Странствования Василья Григорвича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г., изд. Православным Палестинским обществом ... под ред. Н. Барскова. СПб., ч. I, 1885; ч. II, 1886; ч. III, 1887; ч. IV, 1887.

¹³ В издании «Excerpta Suria» (Cambridge, 1908) приведены отрывки из записок Барского, а Даниил и Зосима даже не упоминаются.

в Турцию И. П. Новосильцева,¹⁴ находившегося на службе во второй половине XVI в. В его статейном списке «описывается начало войны Турции с Венецией за остров Кипр». ¹⁵ Новосильцев приводит имя турецкого султана Селима, сообщает о настороженном интересе турок к политике московского государя («а начаялись приходу к Азову и х Кафе московского государя воинских людей»). Кипр он называет близким к турецкому, а не к греческому наименованию — «Киборз». Его известия отличаются лаконизмом и достоверностью делового документа.

К началу XVII в. относится легендарно-политическое произведение «Повесть о двух посольствах»,¹⁶ также рассказывающее в одном из эпизодов о событиях начала или кануна Кипрской войны. Здесь турецкого султана ловко обманывает кипрский царь, сначала в дипломатических переговорах (вместо обещанной отдачи острова султану он посылает карту Кипра на 60 листах александрийской бумаги), а затем и во время военных действий. Эта часть повести, — «Кипрской истории», как ее называет М. Д. Каган, носит легендарный характер, и вместе с тем она окрашена идеями дипломатической борьбы Московской Руси с Турцией.

До сих пор не привлекала внимания еще одна группа источников, важных для осведомления русских людей XVII в. о жизни на острове Кипре. Речь идет о материалах архива «Сношения России с Грецией»,¹⁷ сохранившихся далеко не в полном составе, но насчитывающих немало документов XVII в., которые освещают неоднократные приезды жителей Кипра в Москву за материальной помощью в связи с бедствиями от турецкого завоевания. Этот архив был изучен в свое время А. Н. Муравьевым и Н. Ф. Каптеревым.¹⁸

Однако Н. Ф. Каптерев не обратил особого внимания на частые случаи оказания помощи жителям Кипра со стороны Московского правительства XVII в. Между тем первое, что бросается в глаза при знакомстве с названными документами, — это полное удовлетворение просьб всех кипрских просителей, сколько бы их ни было и кем бы они ни являлись. Сохранившиеся в этом архиве челобитные просителей, донесения чиновников и распоряжения московских властей, светских и духовных, позволяют заключить, что с 1623 по 1652 г. не менее 10 раз приезжали на Московскую Русь представители Кипра.¹⁹ Среди приезжавших чаще всего

¹⁴ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 63—99.

¹⁵ Там же, стр. 87—88, 382—383, прим. 61.

¹⁶ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 218—254.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 52 (1509—1719 г.).

¹⁸ А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858—1860; Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, изд. 2-е. Сергиев Посад, 1914.

¹⁹ В девяти случаях эти приезды составляют основное содержание архивного дела ЦГАДА, ф. 52, оп. 1; дело 1624 г. № 5 — «Отпуск из Москвы ... а) кипрского попа Микифора; дело 1627 г. № 12 — «Приезд в Путивль Кипрского острова города Левкосея Михайловского монастыря иеромонаха Иосифа и старца Герасимова с гречанами Филиппом и Дмитрием для испрошения милостыни»; дело 1628 г. № 19 — «Приезд в Москву ... б) кипрского Благовещенского монастыря архимандрита Софонрия»; дело 1629 г. № 3 — «Приезд в Россию Кипрского острова города Амогуста монастыря архистратига Миханла и Гавриила архимандрита Семиона для испрошения милостыни»; дело 1629 г. № 11. — «Приезд в Москву ... б) кипрского острова Николаевского монастыря архимандрита Иоасафа для испрошения милостыни»; дело 1632 г. № 5 — «Приезд в Москву для испрошения милостыни ... б) кипрского Мамонтова монастыря архимандрита Никифора»; дело 1642 г. № 2 — «Приезд в Москву города Кипра архангельского монастыря архиепископа Парфения для испрошения милостыни»; дело 1652 г. № 7 — «Приезд в Москву для испрошения милостыни турецкие земли ... с) города

были духовные лица (например, архиепископ кипрский Парфений, в 1642 г.; архимандрит Семион из г. Амогусты, в 1629 г.; архимандрит Софроний, в 1628 г., и др.). Кроме духовных лиц, здесь были торговый человек киприанин Иван Антонов (1652 г.), «нищий старец» Мануил Юрьев (1652 г.) и «белец» Мануило Матвеев (1652 г.), «мирянин» Гришка, упоминаемый под 1624 г., когда он сопровождал к Москве «белого попа Микифора», «белец» Мишка Яковлев (1629 г.).

Таким образом, на Руси в конце XVI—первой половине XVII в. не было недостатка в известиях об острове Кипре. В это время переписывались путешествия Даниила, Зосимы,²⁰ Трифона Коробейникова и др.; обсуждались и распространялись из посольских кругов устные рассказы московских чиновников и приезжих греков; порой эти рассказы приобретали причудливую форму легендарно-политического сочинения. В этом случае реальные известия переплетались с художественным вымыслом, как отмечалось выше.

Следует припомнить также, что остров Кипр был известен в древней Руси не только как реальная страна, населенная греками и угнетаемая то маврами, то рыцарями-крестоносцами вкуче с римско-католической церковью, то турками. Кипру отводилось важное место как области религиозного подвижничества христианской церкви. С этим островом связывались жития святых, например Елифания Кипрского, почитание которого на Руси повелось исстари. Нередко в древнерусской живописи XVI—XVII вв. изображались почитавшиеся на Кипре святые. Примечательна, например, фреска «Феодот Киринейский», представленная в росписи 1684 г. Успенского собора Троице-Сергиева монастыря. Кипр оказывается местом действия в ряде нравоучительных повестей, которые переписывались и распространялись в течение средневековья. Наиболее пространное из них — «Сказание о приходе турецкого и сорочино на Кипрский остров» второй половины XVII в.²¹ далеко от описания реальных событий. Здесь «сорочины» и турки выступают совместными силами против острова Кипра под фантастической датой — 552 г. Читатель узнает о чудесах, молитвах, крестном знамени; главное здесь то, что «бог пособил христианом», избавил их от «супостатов» чудесным образом. Сказание, упоминавшееся А. Ф. Бычковым²² и А. А. Зиминым²³ при описа-

Кипра нищего старца Мануила Юрьева Селунского»; дело 1652 г. № 18 — «Приезд в Москву ... б) торговых людей царегородца Аврама Апостола и Киприанина Ивана Антонова для испрошения милостыни». Еще один (десятый по нашему счету) случай пребывания на Москве представителей Кипра зафиксирован в деле 1645 г. № 1, где упоминаются «кипрский черной поп Герасим» и «Кипрского острова Архангельского монастыря архимандрит Семион», — в «росписи, что дати государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси жалованья в стола место иноземцом, которых ведают в посольском приказе» (лл. 120, 121, 122). Кроме того, о некоторых лицах, чей приезд на Москву составляет содержание целых архивных дел, встречаются упоминания и в других документах. Так, например, киприанин Иван Антонов вновь фигурирует в деле 1652 г. № 16 «о приезде в Москву грузинские земли города Хопия Рожевского монастыря митрополита Германа за милостынею». Сохранились и некоторые подлинные греческие грамоты, содержащие просьбы оказать помощь тому или другому жителю Кипра и адресованные московскому царю и патриарху (ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, дело 1628 г. № 57 — от константинопольского патриарха Кирилла; дело 1651 г. №№ 402 и 404 — от константинопольского патриарха Иоанникия).

²⁰ Как известно, путешествия Даниила и Зосимы дошли в поздних списках, восходящих к XVI—XVII вв. Например, список ГПБ, Q.XVII.76 конца XVI в. содержит оба этих путешествия.

²¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1604 (сборник, составленный из 15 рукописей, второй половины XVII в.), лл. 500—502 об.

²² А. Ф. Бычков. Описание..., стр. 318.

²³ А. А. Зимин. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова. — В кн.: Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 90.

нии сборника, не привлекало к себе внимания, так как это литературное произведение мало чем отличается от ему подобных догматико-нравово-учительных повестей второй половины XVII в.

Что касается иностранных или переводных сочинений о Кипре, которые могли находиться в Москве в XVI—XVII вв., то их не так уж много. «Хроника» Мартина Бельского, составленная и изданная еще до завоевания острова Кипра турками, приводит о нем самые краткие данные. В «Космографии» Меркатора находится пространное описание «О Кипрском острове», оно отличается подробным перечислением природных и хозяйственных богатств, и в нем о завоевании Кипра турками в 1570 г. лишь упоминается.²⁴

Наиболее подробно освещает события Кипрской войны Хронограф Иерофея, митрополита Монеувасийского, законченный в 1629 г. Хронограф этот, изданный в Венеции в 1630 г., много раз переиздавался, и некоторые его экземпляры доходили до Москвы. А. И. Соболевский упоминает об издании 1676 г., находившемся в Московской типографской библиотеке. К 1665—1666 гг. относится русский перевод с греческого оригинала, выполненный по указанию царя Алексея Михайловича с целью опубликования этого сочинения, которое почему-то не состоялось. Перевод дошел до нас в нескольких списках.²⁵ Описание осады Кипра турками носит повествовательный характер. Указываются точные даты, например выступления турок в апреле 1570 г. из Царьграда. Названы имена трех пашей (Пиалим паша, Али паша и Мустафа паша), приведены вполне правдоподобные численные данные о кораблях, наименования захваченных городов (Лемеса, Аликии, Амохост и др.). Взятие турками столицы острова Левкусии отнесено к 10 сентября, после сорокадневной осады. Известия о кровавом покорении городов Кипра сообщаются отнюдь не беспристрастным тоном: «...и толико много крови излился, яко во иных местах бе кровь до колен и кто может да исчислит пленение оно мужей и жен и детей и горкое разлучение мужей и жен и дети, отцев и матерей. Оле великому рыданию иже бысть в том разлучении и злоключении великом, иже бысть тогда во оумиленном Кипре ... Обаче таким образом пленися умиленная Леукусия. И помале предася и Кириния». Вслед за этим описывается осада Амохоста, длившаяся будто бы в течение зимы и лета: «И сице взяша и, в лето 1571, августа в 1 де. И государю убо Амохостову дра кожу тела его неразбудительный Мустафа паша, прочих же первых воинства франгов сече и иных взя в плен, греков же остави мирно во граде и в домах их франкскую церковь великую сотвори имаретию (т. е. превратили в мечеть, — О. Б.)». Эти известия, отличающиеся достоверностью и яркостью описания, до сих пор не привлекались в качестве источника по истории Кипрской войны. Нам неизвестно, в каком именно году появляется Хронограф митрополита монеувасийского Иерофея в Москве. Между тем выяснение этого вопроса чрезвычайно важно при изучении нашего сказания «О кипрском острове». В настоящее время трудно судить, был ли известен на Руси в XVII в. поэтический плач о падении Кипра «Θρήνος τῆς Κύπρου», где рассказывается, например о перенесении двумя женщинами почитаемой реликвии — креста и содержатся другие любопытные эпизоды. Этот

²⁴ М. Bielski. Kronika. 1564, л. 182 об. (на карте на л. 262 об. остров Кипр не назван, хотя и обозначен); Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881 (ОЛДП, вып. XXI—LVII—LXVIII), стр. 322—324.

²⁵ ГИМ. Синод. 343 лл. 706 об.—710 Синод. 342 лл. 515—517 об. Синод. 339, лл. 321—322 об. В. С. Иконников в «Опыте русской историографии» (т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1351) называет еще четыре списка, три из них находятся в ГПБ.

источник, к сожалению, остался нам недоступным для изучения из-за отсутствия его публикаций в библиотеках Москвы и Ленинграда.

Обратимся наконец к этому сказанию. Как уже сообщалось, оно дошло до нас в единственном списке XVII в. Сборник, в котором находится сказание (ГПБ, собр. Погодина, № 1570), датирован был XVII в. еще А. Ф. Бычковым.²⁶ Д. С. Лихачев относит сборник к середине XVII в.²⁷ М. Д. Каган дает наиболее раннюю датировку сборника, относя его к 20—30-м годам XVII в.²⁸ Е. Н. Клитина полагает, что сборник был переписан в 30—40-е годы XVII в.²⁹ Это представляется наиболее точным.³⁰

Сборник написан скорописью XVII в. несколькими почерками и, как отмечалось еще А. Ф. Бычковым, состоит из двух рукописей.³¹ Из 43 статей, входящих в сборник, некоторых недостает, что видно из их общей нумерации, составленной в XVII в. (номера 41—43 написаны в XVIII или XIX в., возможно при переплете сборника, когда были срезаны поля). По своему составу сборник представляет большой интерес. Здесь находятся важные для истории русского народа повести, сказания, списки документов большого значения. Некоторые из них: «Повесть об иконе св. Николая чудотворца, именуемой Корсунскою», Повесть о св. Меркурии Смоленском, Сказание о шаштыви на Россию Тохтамыша в 1392 г. — имеют целью осветить историю героической борьбы русского народа за свободу в прошлом. Идею величия и могущества Московской Руси XVI в. раскрывала легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном.

Особенно много сочинений связано здесь со «смутным временем» и с патриотической борьбой русского народа начала XVII в. Это «Чин венчания на царство царя Василия Шуйского 1606 г.», Повесть о чудесном видении в Успенском соборе при царе Василии Шуйском, «Известие о шведской подмоге царю Василию Шуйскому», два воззвания московского патриарха Гермогена «к изменившим царю Василию Шуйскому», «Донесение царю Василию Шуйскому от князя Михаила Шуйского о военных делах 1609 г.». Наиболее примечательны из этого цикла две грамоты, составленные троицкими властями — Дионисием Зобниновским и Авраамием Палицыным и отправленные одна в 1611 г. жителям казанским, другая в 1612 г. князю Пожарскому «с товарищи». Сюда же относятся два «Послания увещательных российских духовных властей» к пленным соотечественникам в Польше 1612 и 1613 гг.

Значительно меньшее место занимают в сборнике сочинения, связанные с прославлением так называемых святых мест. Среди них отрывок

²⁶ А. Ф. Бычков. Описание... стр. 39.

²⁷ Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском (тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 267.

²⁸ М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 264—265.

²⁹ Е. Н. Клитина. О троицких патриотических грамотах периода интервенции начала XVII в. Доклад на конференции Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, посвященной 350-летию снятия осады крепости Троице-Сергиева монастыря, 25 января 1960 г. Рукопись. Научный архив Загорского музея. В настоящее время Е. Н. Клитина готовит работу о составе Погодинского сборника № 1570. К первой половине XVII в. отнесено начало сборника в каталоге пражской выставки «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности» (1959, стр. 33, № 62).

³⁰ Водяной знак: однорукий кувшинчик с буквами «ІВ», на крышке корона с пятью розетками (ср. Тромонин, №№ 808—1634 г., 1152 и 1162—1638 г.); на л. 222 сборника встречается другой водяной знак — корона с пятью зубцами, но далее, на л. 235, снова кувшин.

³¹ А. Ф. Бычков. Описание... стр. 39.

из Патерика киевского «о построении Печерской обители», «Странник иерусалимский», «Сказание о граде Иерусалиме» Арсения Селунянина. Пространное послание патриарха Иова в Грузию мцхетскому митрополиту Николаю напоминает о политической миссии, выполнявшейся русским духовенством в интересах московского правительства в Закавказье в XVI в.

Сказание «О Кипрьском острове» следует вскоре после легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном. Непосредственно перед ним находится краткая повесть «о грамотах»,³² своего рода история письменности. Эта повесть написана тем же почерком, что и сказание о Кипре. Вслед за ним идет еще более краткое сказание об острове Сицилии, написанное другой рукой.³³ Далее следуют отрывки — о Варваринской церкви в Новгороде, о начале Данилова монастыря в Москве и др.

Как показывает обзор статей сборника, в нем преобладают памятники русской письменности, притом не только литературные, но и деловые — списки с подлинных грамот и посланий, летописные отрывки любопытная «смета двум станкам на фряжское печатное дело 1612 г.». К числу неясных по происхождению сочинений следует отнести повесть «о грамотах».

По содержанию, да и по композиции сказание «О Кипрьском острове и о подножие креста Христова» распадается на три части. Их не объединяет один сюжет. Общим для всех трех является место действия — остров Кипр. Первая часть сказания посвящена защите крепости Кириinei от турецких захватчиков, две другие части представляют собой описание двух кипрских монастырей — Успенского и Крестного, а также их «святынь».

При сравнительной краткости сказание весьма содержательно. Во вступительной части сказания сообщается о давней принадлежности острова Кипра к греко-византийскому миру: здесь названы византийский император Юстиниан I и его супруга Феодора, бывшая будто бы родом с Кипра, город Кириinea, переделанный по воле императора и переименованный в его честь в «град Иустиниан». Далее следует описание крепостных сооружений Кириinei — башен, ворот. Пространно рассказывается об осаде этой крепости турками, продолжавшейся 21 год. В отличие от других городов острова Кипра «град Иустиниан» вынудил турок пойти на хитрость — они проникли в крепость с целью «посмотреть церковные красоты». Когда «граждане» убедились, что этот приход турецкого воеводы — злонамеренный способ захвата крепости, они расправились с обманщиком: после его отказа креститься в православную веру его казнили, содрав с живого кожу, а его чучело, набитое соломой, отправили «к турецкому царю в поминках». В ответ на это последовал разрыв торговых отношений между турками и жителями острова.

Вторая часть сказания повествует об Успенском монастыре и его «святыне» — иконе «писма Луки евангелиста» с изображением богоматери на престоле с младенцем Христом, представленным с обеими благословляющими руками. Здесь описываются случаи, когда «архиепископ и люди», приходят в монастырь, чтобы, например, «молиться от нахожения ино-
племенных или просити дождя или ведра».

³² Лл. 184 об.—185. Начало: «Прежде бысть всех грамот жидовская грамота, с тое сняша елини, по сех римская и ини многи». Конец: «по жидовски алфа, по турски левбе, по угорски фаваска, по русски аз».

³³ Л. 190. Это сказание опубликовано А. И. Соболевским (Переводная литература Руси XIV—XVII вв. М., 1903, стр. 394) в главе «Из записей устных рассказов», без каких бы то ни было комментариев или ссылок на аналогии, источники.

В третьей части сказания речь идет о Крестном монастыре. Здесь вновь фигурирует император Юстиниан I, который способствовал украшению серебром «святыни» монастыря — подножия креста Христова, «святыни» столь важной, что она упоминается в названии сказания. Подробно рассказывается о попытке «гостей» папы римского выкрасть или выкупить эту «святыню» и о «чудесном» обретении ее через сорок лет.

В сказании отсутствует концовка, три его части не имеют сюжетной связи. Создается впечатление, что перед нами три отрывка из обширного рассказа об острове Кипре.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сказании нет имен «турского воеводы», «турского царя», «римского папы», «того острова архиепископа» и других действующих лиц. В то же время приведены имена исторических лиц — Юстиниана и Феодоры.

К числу бесспорных исторических реалий следует отнести описание крепости Кириinei, находящейся на севере острова. Она была отстроена в конце XII—начале XIII в., вскоре после латинского завоевания Кипра, а перестроена венецианцами около 1554 г.³⁴ План крепости Кириinei, составленный Санмикеле в XVI в., упоминается Асканьо Саворьяни.³⁵ По-видимому, этот план не сохранился, как не сохранилась и сама крепость. Вот что сообщает русский путешественник В. Г. Барский о Киринее под 1735 г.: «... и мимо идох градец Киринее, не входящи внутрь, понеже ничтоже, яко слышал, не обретается тамо достойно зрения».³⁶ Во всяком случае укрепления этой крепости получили настолько выразительное описание, что перед глазами читателя (или слушателя) должны были возникнуть неприступные башни, сложенные из камня, стены («ведена ограда») и ворота с цепями, преграждающими свободный вход кораблей в гавань. Не находит подтверждения в источниках известие сказания об «изначальности» на острове города Кириinei, хотя он и относится к древним его центрам. Он имел важное значение, по-видимому, лишь до завоевания Кипра турками.³⁷ Во всяком случае, в Путешествии Зосимы начала XV в. Кириinea названа после «великого столного града» Левкосии, на втором месте.³⁸

Что касается переименования Кириinei в честь императора Юстиниана, то на этот счет также не имеется никаких подтверждений в источниках. В то же время известно, что Прокопий Кесарийский в своем сочинении «О постройках» упоминает, как Юстиниан восстановил на Кипре дом для нищих св. Конона и водопровод.³⁹ Известие сказания о кипрском происхождении императрицы Феодоры, кажущееся на первый взгляд легендарным, опирается на сообщения некоторых византийских историков, среди которых назовем, например, Никифора Каллиста (XIV в.), автора «Церковной истории». Именно в этом его сочинении приводится версия

³⁴ R. Gunnis. *Historic Cyprus. A guide to its towns and villages, monasteries and castles*. London, 1947, стр. 121—123, 125—127; G. Hill. *A History of Cyprus, vol. III*. Cambridge, 1948, стр. 859—860, 955, 987—988.

³⁵ Цит. по: I. P. R. Reinhard. *Vollständige Geschichte des Königreiches Cypern*, vol. II. Leipzig, 1768 Beil., стр. 36.

³⁶ Странствования Василья Григоровича Барского... ч. II, стр. 250—251.

³⁷ О заброшенности Кириinei после турецкого завоевания сообщается в кн.: Mas Latrie L., de. *L'île de Chypre, sa situation présente et ses souvenirs du moyen âge*. Paris, 1879, стр. 38—41. К сожалению, нам было недоступно издание: I. K. Peristianes. *A brief guide to the ancient monuments of Kyrenia. Paphos*, 1931.

³⁸ Хожение инока Зосимы... стр. 24.

³⁹ Procopius Caesariensis. *De aedificiis* ed. Haurv, vol. III. Lipsiae, 1913, 5, 9, 36. В Хронографе Иерофея, митрополита Монемвасийского, сообщается, что Юстиниан создал великую церковь «во Левкусии Кипрстей» (русский перевод: ГИМ, Синод. 343, л. 365 об.).

о Кипре как о родине Феодоры.⁴⁰ Примечательно, что в 1684 г. в Посольский приказ Московского государства были переданы из Верхней типографии два экземпляра «Церковной истории» Никифора Каллиста: одно 1558 г., другое 1630 г.; еще в XVI в. этим сочинением в Москве пользовались Максим Грек и Курбский.⁴¹

Наиболее важно определить, к какому времени относятся военные события, описываемые в сказании и связываемые с осадой крепости Кириinei. С первых же строк, посвященных этим событиям, нам ясно, что речь идет не о «чудесном испытании» стойкости христианского воинства перед напором «нечистых» вражеских полчищ, подобно сказанию «О приходе турка и сорочини на Кипрский остров». Здесь действуют «люди» и «граждане», слышится звон боевых «набатов», перечисляются реальные тяготы: «...теперь у нас в городе и людей мало, на выласках побиты, а иные з голоду и с осадного сидения померли». И стоило только обнаружить коварству противника, обманным путем проникшего в крепость, как сами ее защитники, без «чудесного» вмешательства провидения, «повеле по набатом ударити, и турок всех побили», после чего по заслугам расправились с воеводой. Противник называется в сказании «турской», «турской воевода», а его воины — «турки». Упоминается и «турской царь». Здесь мы не встречаемся, таким образом, с эпитетами «поганые», «безбожные турки», «сопостаты», щедро рассыпанными в том же сказании «О приходе турского и сорочини на Кипрский остров». Несколько удивляет наименование «турской царь», а не «турской салтан».

Обратим внимание на известие, что «На острове поймал турской многие городы». Приведенное место сказания определенно указывает на события периода осады острова Кипра турками (с апреля до поздней осени 1570 г.). Нам неизвестны другие случаи подобного нападения турок на целый ряд кипрских городов. Эти события были отмечены героической борьбой населения острова. О них сообщается в турецких, итальянских и других западных источниках.⁴² Однако известия об этих событиях в русской письменности как будто бы весьма немногочисленны. Отмечалось уже выше сообщение русского посла И. П. Новосильцева.⁴³ Назывался и цитировался перевод Хронографа Иерофея, относящийся к третьей четверти XVII в. Весьма возможно, что в дальнейшем будут обнаружены и более ранние русские источники по этому вопросу. Наиболее раннее из дошедших до нас известий о Кипрской войне в русских источниках — от 1 августа 1570 г. — встречается в донесениях, поступавших к московскому послу в Крым Афанасию Нагому: «[1570] Августа в 1 д. Офонасию и Федору и Ивану и Микифору сказали Собаня Резанов да Нагай Сеундюков, да Бигил деи Разгозин, приехал деи изо Царягорода ко царевичу в Крым Турчанин Маамет, и сказал деи царю, что турского рати под Кимырзом городом многих людей побили» (Несколько раньше, в марте 1570 г., Афанасию Нагому сообщили, что «посылает де турской под Кимырзь рать свою на весну»⁴⁴).

⁴⁰ Nicephori Callisti Xantopuli. Ecclesiasticae Historiae, t. III. — In: J. P. Migne, Patrologia Graeca, t. 147. Paris, 1865, lib. XVI, cap. XXXVII.

⁴¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Руси XIV—XVII вв., стр. 86, 264, 281. Ср. также: С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. 75, 78.

⁴² Перечень источников по истории Кипрской войны см. в кн.: G. Hill. A History of Cyprus, vol. III, стр. 1149—1155. В этом перечне не приведен Хронограф Иерофея, цитированный нами выше.

⁴³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. ... стр. 87—88.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 13, л. 285 об.; Крымская посольская книга № 14, л. 6. В мае 1570 г. Афанасию Нагому доносили: «А турской деи

При описании событий Кипрской войны (речь идет, несомненно, именно о Кипрской войне XVI в.) в нашем сказании имеются не только достоверные, основанные на реальных событиях известия. Прежде всего эта война освещена только с точки зрения осады одной лишь его крепости. Здесь ничего не сообщается об осаде столицы острова — Левкосии, порта Аммогусты и др. Это как бы не официальное известие, а рассказ участника событий — защитника Кириinei, значение которой он, возможно, даже и преувеличил, не говоря уж о том, что он непомерно удлинил срок осады до 21 года. Но у нас нет никаких оснований, даже заметив эти отклонения от реальных событий, пренебрегать редким образцом рассказа очевидца или участника событий. Главное, что здесь привлекает нас, — это отсутствие литературного штампа. Перед нами отнюдь не образцовая воинская повесть, а отрывок из неторопливого, скорее всего устного по происхождению рассказа. Это и не догматико-нравоучительное сочинение. Это и не официальное сообщение о важных политических событиях: здесь нет имен «воеводы», «царя», нет их полных титулов. Поражает оптимистический конец этого отрывка — первой части нашего сказания. В источниках мы не находим единого мнения о том, когда Кириinea была сдана туркам: до или после захвата ими столицы острова. Турецкие историки упоминают, что 9 июля 1570 г. в Кириinea проник капудан-паша (без указания его имени), который склонял защитников сдать крепость.⁴⁵ Нам не известно, как именно он попал в крепость и какова была его судьба, но сходство напрашивается само собой: не об этом ли «воеводе» сообщает наше сказание? Сопоставим известия Хронографа Иерофея и сказания. Следует сразу указать, что Иерофей допускает, очевидно, фактическую ошибку, удлиняя почти на год срок осады Аммогусты (Аммохоста).⁴⁶ Кириinea он отводит незначительную роль (ограничиваясь ее упоминанием), по-видимому близкую к истинному положению дел. Срок ее сдачи он датирует 1570 г., причем указывает, что этот город потерял независимость уже после падения Левкосии, столицы острова.

Наиболее примечательно в описании Иерофея сообщение о расправе с «государем Амохостовым», по всей вероятности не греком, а венецианцем, судя по изложенному ниже. Эта расправа в точности повторяет судьбу «турского воеводы», казненного «гражданами» Кириinei из сказания: «дра кожу тела его». Не представляется возможным решить в настоящее время окончательно, действительно ли в обоих случаях совершался распространенный в средние века вид казни⁴⁷ или здесь перекликались, в какой-либо зависимости, два различных памятника, толкуя по-разному одно и то же реальное событие? Но даже если сюжет Хронографа в искаженном виде попал в наше сказание, в остальном у этих двух памятников нет общности ни в строе языка, ни в изложении событий. Так, например, Хронограф завершает описание Кипрской войны своего рода обобщением: «Глаголют же яко елико народу пленишася во всем острове Кипрском, мужи, и жены, и дети, бяху до трех сот тысяць, и раз-

идет на венецицкого короля под Кимырзь город» (там же, № 13, л. 279 об.). За указание на отписки Афанасия Нагого как источник, освещающий интересующие нас события, приношу глубокую благодарность Я. С. Лурье.

⁴⁵ G. Hill, A History of Cyprus, vol. III, стр. 988, прим. 2.

⁴⁶ В нашей работе города Кипра названы в соответствии с данными древнерусских письменных источников. В современном русском языке употребляются несколько иные наименования: вместо Кириinea — Кериния, вместо Аммогуста (Аммохоста) — Фаммагуста и др.

⁴⁷ Н. Н. Розов обратил мое внимание на сходный характер казни (когда набивали мякинами снятую кожу) в «Повести о Скандербеге» (М.—Л., 1957, стр. 34 и примечание).

сыпашая на восток и запад и елицы заклашася на рати быша до 40 000». ⁴⁸ В нашем же сказании конец отрывка, посвященного осаде Кириinei, касается событий до захвата Кипра турками и до потери островом независимости. Ведь речь идет здесь о продолжавшихся торговых связях между «гостями» острова и «гостями» «турской» земли. Только после казни турецкого воеводы и отправки его обезображенных останков в виде чучела «турскому царю в поминках» прекращается оживленный товарообмен.

Таким образом, следует признать, что сказание, хотя и не называющее по именам действующих лиц периода военных событий на Кипре и не сообщающее точной их даты, в своей первой части заключает оригинальный рассказ о частном эпизоде Кипрской войны 1570 г. Нам не удалось найти его поэтических источников, вполне здесь вероятных. ⁴⁹ Возможно, большую роль в написании этого сочинения сыграли именно устные рассказы, основанные на воспоминаниях о пережитых событиях или донесениях очевидцев.

Для первого отрывка сказания нелегко найти прямые источники или аналогии и в русской письменности, хотя они вполне могут быть обнаружены в дальнейшем. Что касается отдельных особенностей, то среди них хотелось бы отметить, например, выразительность описаний, которые восходят к зрительным впечатлениям о крепости. Заметим также, что крепость называется здесь не Кириния (как например, в переводе Хронографа Иерофея), а Кириinea, т. е. в огласовке, которая типична, в частности, для русских азбуковников XVII в., цитированных выше. В изложении событий важная роль отводится грамотам, которыми обмениваются воюющие стороны. Эти грамоты цитируются в простом речевом изложении, в них нет ни титулов, ни выдержанной формы.

Два других отрывка сказания также включают в себе немало примечательного. К числу исторических реалий в них следует отнести, например, упоминание произведений художественного ремесла и искусства, характерных именно для Кипра. Такова икона с изображением богоматери с младенцем Христом, описание которой настолько точно по ее иконографическим особенностям, что и здесь не вызывает сомнения зрительная подоснова впечатлений автора или рассказчика. ⁵⁰ Уже отмечалось, что к иконе обращались с молитвой «от нахождения иноплемennых». Это указание напоминает нам, что Кипр с VII и до XVI в. неоднократно подвергался завоеваниям со стороны иноземцев. Как во втором, так и в третьем отрывке назван «архиепископ» острова, что вполне соответствует наименованию высшего духовного лица острова, издавна принятому на Кипре. Если во втором отрывке фигурирует икона, то в третьем речь идет о «подножии креста Христова», которое рассматривается как «святыня». Упоминается также, что «царь Иустиниан оба конца (подножия креста, — О. Б.) обложил серебром». Назван здесь и предназначенный для этого «древа креста» киотец. Таким образом, в повести фигурируют украшенные ювелирами произведения художественного ремесла.

Наибольший интерес в третьем отрывке представляет история с папой римским (без указания его имени), не погнушавшимся поручить своим «гостям» добыть «подножие креста Христова» с Кипра любым путем,

⁴⁸ ГИМ, Синод. 343, лл. 709 об.—710.

⁴⁹ Например, ничего подобного не встречается в средневековых греческих песнях: [Н. P e r n o t.] *Chansons populaires grecques des XV-e et XVI-e siècles*. Paris, 1931.

⁵⁰ В настоящей работе не рассматривается круг вопросов, связанных с иконой, упоминаемой в сказании. Этот отрывок представляет интерес для изучения распространения в древнерусском изобразительном искусстве икон типа «богоматери Кипрской».

вплоть до кражи или подкупа. Излагается с подробностями рассказ о похищении «святыни» через «окошко просто у церкви вверху». Подробно освещается история «обретения» древа подножия креста после троекратных «знамений». Повествование здесь носит нравоучительный характер: посягавшие на «святыню» стали жертвами бури, разыгравшейся после свершения ими кражи; обладатели подножия креста получили наказание за отсутствие «бережения»: «...и про то древо не было ведомо сорок лет». Поиски этой «святыни» приводят к новому «обретению» ее. Но помещенная по воле архиепископа в соборную церковь, она чудесным образом возвращается в монастырь, откуда ее похитили. На этом обрывается нить рассказа данного отрывка, да и всего сказания.

По поводу последней части сказания необходимо заметить, что сюжет ее отражает сложную реальную обстановку, характерную для истории Кипра с конца XII в., со времени завоевания острова крестоносцами. Распространенная среди греческого населения Кипра со времен раннего христианства православная религия с точки зрения завоевателей представляла большое неудобство. Поэтому здесь возникают католические пышные храмы и соборы. Поэтому, должно быть, «гости» папы римского стремятся завладеть почитаемой на Кипре частицей древа креста Христова. Однако отношение населения острова к этим «гостям», вложившим вклад в монастырь, сделавшим подарки, угостившим «братью и мирян», ничуть не лучше, чем отношение к туркам и другим «иноплеменным». Думается, что эпизод с похищением «святыни» кипрского монастыря дан здесь в таком освещении, которое исключает западное происхождение этого сказания, и в частности его последнего отрывка. Трудно предположить, чтобы, например, немцы, испанские или итальянские источники рисовали с такой явной неприязнью представителей папы римского, изображая их в довольно жалкой роли наказанных похитителей. На Руси в начале XVII в. подобное отношение к римско-католической церкви не редкость. Это видно из русских источников, освещающих период польско-литовской интервенции.

Что касается места действия во втором и третьем отрывках, здесь не все так ясно, как при описании Кириной. Не удастся привязать к карте Успенский монастырь, место нахождения прославленной иконы. Более всего на Кипре почиталась икона, находившаяся в Киккском монастыре. Упомянутый далее Крестный монастырь, по-видимому, находится на юго-западе острова. Изображение этого монастыря оставил В. Г. Барский. В третьей части сказания противопоставляются «соборная церковь Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрея» и «монастырь слове крест». Представляется, что здесь опущены (при переписке или при пересказе) какие-то более точные наименования города, монастыря, имя папы римского, имя кипрского архиепископа, и в то же время не забыт царь Юстиниан.

Но было бы неверным искать в сказании только документальность и историчность всех его известий. Не следует забывать, что перед нами не Хронограф, не статейный список и не записки путешественника, а литературный памятник с присущим ему художественным бымыслом, тенденцией к гиперболизации и другими специфическими особенностями. Определение жанра этого литературного произведения представляет известную трудность. Основная сложность при его квалификации заключается в том, что это сказание дошло до нас в одном списке и то, видимо, неполностью, в отрывках. Поэтому нельзя судить о композиции и сюжете. Легендарное и достоверное, переплетаясь в нашем списке, получило все же своеобразную форму выражения: язык сказания напоминает разговорную, усгуню речь; ср. записи «в расспросах» в Посольском приказе. Имеет он сходство

и с «Повестью о двух посольствах». Сопоставим, например, описание бури в нашем сказании и в «Повести»:

Сказание

...и в те поры стала буря сильная. И на остров пришли волны великие, карабли тех гостей неведомо где дели. И гости стали безвесно, и древа того не стало. А на остров насыпало песком великой вал.

Повесть

И став буря великая, и пришли волны морские, да и место града того помыло и песок разнесло.⁵¹

В заключение необходимо подвести некоторые итоги. В настоящей работе невозможно было дать полный анализ сказания «О Кипрском острове и о подножие креста Христова». Нашей, более скромной задачей было найти место сказания в древнерусской письменности путем привлечения и сопоставления русских известий о Кипре из опубликованных и неопубликованных памятников, которые сохранились до нашего времени. Представляется, что предпринятый нами обзор нескольких видов источников о Кипре на Руси позволяет предположить появление сказания в начале XVII в. в посольской среде, в которой было создано не одно литературное произведение. Возможно, публикация списка Погодинского сборника приведет к розыскам и находке новых списков сказания «О Кипрском острове». Возможно также, что в дальнейшем удастся более точно решить вопрос о времени создания этого памятника, о круге лиц, в среде которых оно могло возникнуть и где и с какой целью могли его переписывать. В настоящее время можно предположить, что сказание появилось не ранее 20—30-х годов XVII в. в Москве в результате общения приезжих с Кипра с приставленными к ним служилыми людьми Посольского приказа. Весьма возможно, что это сказание, созданное в посольских кругах, дошло до нас в отрывках, сделанных переписчиком Троице-Сергиева монастыря. Это предположение возникает при сопоставлении статей сборника, содержание которых связано с воспоминаниями об осаде монастыря-крепости в период польско-литовской интервенции. Распространение устных рассказов о Кипре не ограничивалось Москвой. Сохранилась греческая грамота 1623 г. кипрского белого попа Микифора, написанная им в Ярославле.⁵² Его тезка архимандрит Никифор, по-видимому также с Кипра, был затворником Андрониева монастыря⁵³, и к нему обращались приезжие греки.

Написанная «русским писмом» грамота архиепископа острова Кипра Христула (1626 г.), может быть, указывает на пребывание на острове какого-то русского человека в начале XVII в.

Обнаруженное в Погодинском сборнике № 1570 краткое сказание «О Кипрском острове» требует еще дополнительного исследования с привлечением богатых и до сих пор почти не изученных архивных материалов по истории русско-кипрских связей XVII в. Дальнейшее их углубленное изучение — единственный верный путь для правильной оценки сказания как литературного памятника и исторического источника.

О КИПРЬСКОМ ОСТРОВЕ И О ПОДНОЖИЕ КРЕСТА ХРИСТОВА

На Кипрском острове изначала был град Кириная, и с това острова л. 185 об.
царь Иустиниан избрав девицу именем Феодору и взял ее себе в жену.
И тот град Кириная переделал и назвал ево свое имя Иустиниан.

⁵¹ На сходство этих памятников, и в частности приведенного отрывка, любезно указала М. Д. Каган.

⁵² ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, дело 1623 г. № 11.

⁵³ Там же, оп. 1, дело 1632 г. № 5, лл. 39—40.

А стоит тот град подле острова на камени, около ево вода морская. А одал ево морем ведена ограда и башни камены. А меж их к городу ворота, а в воротех ведена воротом чепь; коли пропускают от города и к городу карабли, тогда чепь опускают в море. || А взятъем того града взяти не умети некоторыми делы. На острове поймал Турской многие города. А под тем градом Иустинияном стояли турки дватцат один год, а взяти ево некоторыми делы не умели. И хотели ево взяти оманом; написав грамоту, на стреле кинули в город. А в грамоте пишет: «Не хотим у вас ничего, пустите нас во град немногих посмотрит церковные красоты. И мы от града и проч поидем». И оне изготова людеи и набаты, к туркам писали: «Теперь у нас в городе людеи мало, на выласках побиты, а иные з голоду и с осадного сидения померли; будет захотите церковные красоты || посмотрит, и вы нам дайте слово, что вам нас не побити, посмотрев церкви, от града отоити». И турской воевода дав слово вшед во град, не лазя во храм, в двери смотрив в соборную церковь пречистые богородицы честнаго и славнаго ея одегитрея, учали похвалятися: «Колко лет стояли под градом, кровь лили, а ныне без крови град наш». Граждане же повеле по набатом ударити. И турок всех побили, а воеводу жива взяли и повеле ево повести х казни. И говорит: «И хош видети смерти, крестися. И мы тебя пощадим». И воевода креститися не захотел. И с нево сняв кожу, набили насекши мелкие соломы || и послали к турскому царю в поминках. Царь же разгневався отписал к ним грамоту: своих гостей и товаров к ним, а их гостей и товаров к себе пускати не велит. И оне к нему отписали: «Своих гостей и товаров к нам, а наших гостей и товаров к себе пускати не велиши, и мы велим реку». || Близ же того града монастырь имянуецца Успенской, а в нем в церкви образ пречистые богородицы с превечным младенцем на престоле, а младенец против грудей ее, благословляет обеими руками, писма Луки евангелиста; коли архиепископ и люди захотят молитися от нахождения иноплемменных или просити дождя или ведра и как поидут по тот образ поднят ево на собор и как отворят церковь, а тот пречистые образ вышедши сии ота стоит у двери на воздухе, а на всем лице ея государыни пот; по тому познавают благодарная. Иереи тот образ приняв понесут на собор, а как церковь отворят, а образ стоит в ките, и его уже поднят не могут, || а в ту пору от образа от очей слезы, и по тому познавают скорбная.

На том же острову монастырь слове крест, а в нем креста Христова подножие, царь Иустиниян оба конца обложил серебром. И римской папа прислал в монастырь гостей со многим богатством и питьем многим, а велел игумна и братью и мирян дарити и кормити и поити и вклад в монастырь дати, а примечати, как бы то древо украсти или выкупити. И во многое время живучи в монастыре, те гости приметили || у церкви вверху окошко просто. И игумна и братью и мирян напоив, ночью приставя к тому верхнему окну лестницы, из церкви то древо взяв и за монастырь унесли и в те поры стала буря сильная. И на остров пришли волны великие, карабли тех гостей неведомо где дели. И гости стали безвесно, и древа того не стало. А на остров насыпало песком великой вал, и про то древо не было ведомо сорок лет. И некоему старцу во сне бысть глас, велите взяти древо подножие креста Христова, на острову том рек место. И старец сказал про то отцу своему духовному, и отец ево духовной не поверил. И тому отцу || духовному глас той же изрече, и он сказал того острова архиепископу. И архиепископ им не поверил. И архиепископу невидимо глас той же изрече и место нарече, архиепископ же со всем освященным собором взяв кресты, пошли на то объявленное место. И повеле на том насыпном валу копати. И обрете аки китец, а в нем лежит то животворящее

древо креста Христова, ничто по нему не коснулось. И взяша ево архиепископ с собою и пеша молебн, положил в соборной церкви Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрея. || И учини ему великое бережение. И на завтра тово древо в той соборной церкви не обрете. А объявилос то животворящее древо креста Христова в том же монастыре кресте в старом своем месте.

(ГПБ, Поход. 1570, лл. 185 об.—189 об.)
